

Этическая дилемма экономических санкций как внешней угрозы*

С. А. Белозёров, Е. Соколовская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Белозёров С. А., Соколовская Е. Этическая дилемма экономических санкций как внешней угрозы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 303–321. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.208>

Цель статьи заключается в определении современных подходов к разрешению этической дилеммы экономических санкций — противоречия между целями и последствиями введения санкций как альтернативы войне и инструмента внешней угрозы. В статье рассматриваются экономические санкции в их классической трактовке — ограничения, вводимые государством-инициатором, связанные с угрозой ухудшения текущего экономического состояния страны-мишени, с целью заставить режим последней изменить свой внутривластный курс и/или внешнюю политику. Методология исследования, помимо общенаучных методов познания, включает методы сравнительно-исторического анализа и межстранового сравнительного анализа для изучения гуманитарных последствий экономических санкций; элементы политико-правового анализа при исследовании соответствия экономических санкций нормам международного гуманитарного права; методы систематического обзора литературы для анализа экономических явлений и процессов. Проблематика моральной допустимости санкций нашла отражение в этической дилемме экономических санкций: выбор санкций как альтернативы войне и инструмента внешней угрозы, имеющего потенциальное позитивное влияние на политику страны — объекта санкций, и потенциальные негативные гуманитарные последствия для гражданского населения, способные нивелировать положительные результаты, которые страна-инициатор связывает с изменением политического курса страны-мишени вследствие санкций. Попыткой ее разрешения стало формирование новой парадигмы в санкционной политике, основанной на замене комплексных санкций целевыми. В статье проанализированы ключевые предпосылки формирования этой новой модели. Определено, что основным методом в современной литературе для аргументации допустимости экономических санкций с морально-этической точки зрения является их анализ на соответствие принципам справедливой войны. Систематизированы основные подходы к исследованию моральной допустимости экономических санкций в рамках теории справедливой войны. Выявлено, что применение принципов справедливой войны к оценке моральной допустимости экономических санкций является дискуссионным и дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно сосредоточить на выборе и использовании методологического инструментария, более соответствующего экономической природе санкций.

Ключевые слова: экономические санкции, внешняя угроза, этика, мораль, справедливая война, комбатанты, некомбатанты, доктрина двойного эффекта, гуманитарные последствия.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Оптимизация страховой защиты населения в условиях биологической угрозы» (Санкт-Петербургский государственный университет, Pure ID: 104915901).

Введение

Вопросы соответствия экономических санкций международному гуманитарному праву поднимались еще в начале XX в. С учетом того, что международная торговля товарами играла значительную роль в экономиках стран, большое внимание уделялось проблеме таможенного бойкота. С ростом глобализации, интеграции, постепенной отменой таможенных пошлин, развитием торговли нематериальными активами анализ экономических санкций вышел за рамки только правовых вопросов, появились исследования экономической, институциональной и общеполитической направленности.

Цель статьи заключается в определении современных подходов к разрешению этической дилеммы экономических санкций — противоречия между целями и последствиями введения санкций как альтернативы войне и инструмента внешней угрозы — основанных на оценке моральной допустимости санкций.

В статье рассматриваются экономические санкции в их классической трактовке — ограничения, вводимые страной-инициатором, связанные с угрозой ухудшения текущего экономического состояния страны-мишени¹, с целью заставить режим последней изменить свой внутривластный курс и/или внешнюю политику.

Исследование не затрагивает санкции, направленные против отдельных лиц (например, отказ в визах) или прямые вмешательства в экономику (например, запрет на продажу оружия или товаров, предназначенных исключительно для военных целей).

Методология исследования, помимо общенаучных методов познания, включает методы сравнительно-исторического анализа и межстранового сравнительного анализа для анализа гуманитарных последствий экономических санкций в странах-мишенях; элементы политико-правового анализа при исследовании соответствия экономических санкций нормам международного гуманитарного права; методы систематического обзора литературы для анализа экономических явлений и процессов.

От комплексных экономических санкций до целевых: роль гуманитарных последствий

Исследования моральной допустимости экономических санкций формировались поэтапно, отражая их формулировки и инструментарий. До окончания Первой мировой войны экономические санкции рассматривались как экономические войны / экономическая блокада (economic warfare), к анализу которых применялись законы войны (law of war). Однако после формирования Лиги Наций в документах организации экономические санкции рассматривались уже как альтернатива войне, инструмент международной дипломатии, который призван предотвратить военные действия.

¹ Здесь и далее используются общепринятые термины «страна-инициатор» санкций (the sender) и «страна-мишень» (the target) — страна, в отношении которой введены экономические санкции.

В 1919 г. президент США Вудро Вильсон в своей речи перед Комитетом США по международным отношениям определил экономические санкции как «мирное, бесшумное и смертоносное средство» (peaceful, silent deadly remedy), обеспечивающее возможность давления на страну-мишень без применения военной силы. Иными словами, военные действия сменяются экономическим бойкотом, уберегая людей от смерти в стране-мишени [1; 2, р. 95–96; 3, р. 71]. Эту точку зрения на протяжении десятилетий разделяли инициаторы экономических санкций — как отдельные страны, так и международные организации.

Рассмотрение санкций как альтернативы войне, напрямую не уничтожающей мирное население, на практике переросло в тезис о том, что чем сильнее будут торговые и финансовые ограничения, тем быстрее они достигнут цели. Целью экономических санкций на протяжении всей истории их существования была смена нежелательной (по мнению страны-инициатора) политики страны-мишени. Важнейшей составляющей нежелательной политики являлось нарушение прав человека.

Аннексия Ираком территории Кувейта в 1990 г. послужила началом нового этапа практики санкций — «санкционной декады», длившейся до начала XXI в. ООН ввела против Ирака комплексные экономические санкции², включавшие: 1) эмбарго на поставку всех товаров в страну, за исключением медицинских товаров и поставок продовольствия в рамках гуманитарной помощи; 2) эмбарго на поставку оружия; 3) замораживание активов; 4) запрет любых операций по переводу государственных и частных активов.

Результатом стало катастрофическое падение уровня жизни населения страны, существенный рост смертности. Так, начиная с 1991 г. международные наблюдатели документально фиксировали резкий рост детской смертности в Ираке, рост уровня заболеваемости населения, в том числе онкологических заболеваний, возникающих вследствие употребления неочищенной воды, недоедания, нехватки медикаментов и медицинского оборудования. По различным оценкам, от 50 до 237 тыс. иракских детей в возрасте до пяти лет погибли в результате санкций [4; 5, р. 102; 6, р. 139; 7]. Это существенно превышает количество иракцев, непосредственно убитых в войне в Персидском заливе — около 40 тыс. жертв, как военных, так и гражданских [8, р. 389].

Окончание холодной войны в конце 1980-х годов, результаты санкций против Ирака активизировали исследования экономических санкций и пересмотр критериев их эффективности. Анализ целесообразности введения санкций против Ирака, инициированных ООН с целью принудить страну вывести войска из Кувейта, осуществить выплату репараций и уничтожить оружие массового поражения, позволил сделать ряд выводов.

Во-первых, санкции не привели к ожидаемому эффекту — военные инспекции так и не получили допуск в страну, несмотря на требования Совета Безопасности ООН.

Во-вторых, санкции стали катализатором гуманитарной катастрофы в стране-мишени.

² Комплексные экономические санкции (всеобъемлющие санкции, comprehensive sanctions) — запрет на ведение всех или большинства видов экономической деятельности между инициаторами и страной-мишенью.

В-третьих, санкции привели к росту масштабов коррупционной деятельности, в частности к росту организованных криминальных синдикатов и транснациональных сетей контрабанды, ослабив, таким образом, законность не только в стране-мишени, но и в соседних странах, и в самих международных организациях-наблюдателях [9].

Именно последствия санкций против Ирака, в частности гуманитарный кризис, стали причиной: 1) формирования нового подхода к введению экономических санкций — замены комплексных санкций на целевые; 2) учета гуманитарных аспектов экономических санкций; 3) пересмотра стандартов и критериев введения многосторонних санкций СБ ООН; 4) исследований моральной допустимости экономических санкций в целом.

Целевые санкции («умные», адресные, селективные, смарт-санкции, smart sanctions) в современной теории и практике рассматриваются как инструмент внешней политики, который, обладая ключевыми признаками санкций, одновременно не затрагивает гражданское население. Иными словами, речь идет об экономических санкциях, призванных минимизировать негативные последствия для населения страны-мишени.

Согласно теории экономических санкций, смарт-санкции отличаются от «традиционных» всеобъемлющих экономических санкций по двум основным направлениям. Во-первых, они более эффективно «поражают цель» и наказывают — посредством эмбарго на торговлю оружием, ограничения финансовых операций и свободы передвижения — политическую элиту, поддерживающую и осуществляющую действия, которые осуждаются инициаторами санкций. Во-вторых, в теории смарт-санкции не затрагивают уязвимые социальные группы (детей, женщин, пожилых людей), тем самым минимизируя негативные последствия для населения страны (сопутствующий ущерб, collateral damage), например за счет исключений из санкционных списков продуктов питания, медицинского оборудования, медикаментов. Смарт-санкции направлены на отдельные категории или объекты, такие как правящая элита или оборонный комплекс страны [9, с. 359].

В целом результатом данных процессов стал тот факт, что в середине 1990-х годов проблематика моральной допустимости санкций получила свое отражение в этической дилемме экономических санкций: выбор санкций как альтернативы войне и инструмента внешней угрозы, имеющего потенциальное позитивное влияние на политику страны-мишени, и потенциальные негативные гуманитарные последствия для гражданского населения, способные нивелировать положительные результаты, которые страна-инициатор связывает с изменением политического курса страны-мишени вследствие санкций.

Попыткой разрешения дилеммы стало формирование новой парадигмы в санкционной политике, основанной на применении целевых санкций. Тем не менее аргументы за и против допустимости санкций с морально-этической точки зрения продолжают обсуждаться в современной литературе, и ключевым методом для обоснования доводов и результатов является анализ экономических санкций на соответствие принципам справедливой войны.

Принципы справедливой войны и моральная допустимость экономических санкций

Концепция «справедливой войны» (just war) берет свое начало в трудах святого Августина. Августин впервые заговорил о такой составляющей идее справедливой войны, как благие намерения. В дальнейшем ее развили с точки зрения христианских представлений Фома Аквинский, Грациан, Гуго Гроций. Наибольший вклад внес Фома Аквинский, который определил три критерия справедливой войны — законная власть, правое дело и добрые намерения, и дал им расширенное толкование.

Во второй половине XX в. сформировались две ключевые парадигмы справедливой войны — парадигма защиты интересов суверенных государств (нормативная теория справедливой войны) М. Уолцера (M. Walzer) и парадигма защиты прав человека В. О'Брайена (W. V. O'Brien).

Первая концепция называет причиной справедливой войны защиту (индивидуальную или коллективную) суверенитета государства, тогда как вторая — защиту прав человека как высшей моральной ценности. При рассмотрении моральной допустимости введения экономических санкций указанные концепции не имеют существенных различий. Различия могут определяться при исследовании причин введения санкций страной-инициатором, тогда как санкционные меры, ведущие к негативным последствиям для населения, одинаковы.

Нормативная теория справедливой войны включает в себя две основные группы принципов: *jus ad bellum* и *jus in bello*. Первая группа определяет условия для справедливого начала войны, т. е. положения для ответа на вопрос, в каких случаях допустимы военные действия. Вторая группа определяет справедливые способы ведения войны, т. е. поиск ответа на вопрос, какими средствами военные действия должны осуществляться.

Ряд исследователей позже добавили принципы *jus post bellum* — принципы справедливости, которым необходимо следовать в послевоенный период. Данное исследование рассматривает только первые две группы принципов как наиболее подходящие для оценки экономических санкций, в том числе моральной допустимости их введения, с точки зрения справедливой войны.

На сегодняшний день большинство исследователей пришли к консенсусу о существовании шести принципов справедливого начала войны:

1. Принцип правого дела.
2. Принцип благих намерений (именно правое дело должно быть причиной войны).
3. Принцип законности (право начинать войну имеет только законная власть).
4. Принцип соразмерности/пропорциональности (ущерб, который в обозримом будущем будет нанесен военными действиями, должен быть пропорционален пользе справедливого дела; иными словами, война должна предотвращать большее зло).
5. Принцип разумной вероятности успеха (необходимость предотвратить иррациональное применение силы или безнадежное сопротивление, когда исход их будет явно непропорциональным или бесполезным).

6. Принцип крайней меры (the last resort) (военные действия должны быть начаты только после того, как все невоенные методы себя исчерпали) [10–14].

Принципы справедливого ведения войны включают:

1. Принцип разделения комбатантов и некомбатантов как объектов военных действий (принцип избирательности, принцип дифференциации, discrimination principle, distinction principle).

2. Принцип соразмерности (proportionality principle) (причинение вреда, прежде всего гражданскому населению, должно быть соразмерно стратегическому и тактическому успеху военной операции).

Содержание этих принципов является объектом регулирования международного гуманитарного права [11–13; 15].

Отдельно следует уточнить принцип соразмерности применительно к jus ad bellum и jus in bello. В первом случае речь идет о соразмерности потерь и результатов военного конфликта в целом. Ситуация jus in bello подразумевает «соразмерность» потерь и результатов, которые принесет отдельная атака [16].

При анализе принципов справедливой войны применительно к экономическим санкциям, ключевым является определение комбатантов и некомбатантов.

Согласно нормам международного гуманитарного права, к категории комбатантов относятся все лица, входящие в личный состав вооруженных сил стороны конфликта, за исключением медицинского персонала и духовенства [17].

Некомбатанты (нонкомбатанты, гражданские лица, civilians) — лица, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях. Некомбатанты находятся под защитой международного гуманитарного права как в международных, так и во внутренних вооруженных конфликтах [18].

Женевские конвенции 1949 г. и дополнительные Протоколы к ним 1977 г. определяют несколько категорий некомбатантов: раненые и больные (военнослужащие и гражданские лица); военнопленные; гражданские интернированные; гражданские лица, оказавшиеся на вражеской территории или на оккупированных территориях; лица, лишённые свободы.

Анализ исследований, посвященных оценке соответствия экономических санкций принципам справедливой войны, позволил определить, что для оценки моральной допустимости санкций рассматриваются главным образом два принципа jus in bello: принцип разделения и принцип соразмерности. Это объясняется тем, что изучение моральной допустимости санкций было инициировано, как уже отмечалось, существенным ущербом для гражданского населения — некомбатантов, и соответственно, соблюдение принципа разделения в подобных исследованиях выходит на первое место.

Анализ принципов jus ad bellum применительно к экономическим санкциям определяет, насколько введение санкций соответствует принципам справедливого начала войны. В целом изучение существующих источников по данной проблематике позволило прийти к следующим выводам.

1. С точки зрения соблюдения принципов законности, правого дела, благих намерений большинство авторов сходятся во мнении, что санкции соответствуют справедливой войне. В некоторых ситуациях нужно учитывать, являются ли санкции «предисловием» и/или дополнением к военным действиям либо мерой для

их избегания. В первой ситуации применение санкций нарушает принцип благих намерений. Санкции также могут считаться потенциально опасными, поскольку они создают моральный риск несправедливой агрессии, нарушая принцип правого дела. Это обусловлено достаточно низкими издержками введения санкций, что создает условия для оппортунистического поведения и установления неких дополнительных целей санкций [16, p. 70–73].

2. Особый интерес вызывает принцип разумной вероятности успеха. Здесь авторы ссылаются на исследования эффективности санкций с использованием количественных методов. Результаты определяют эффективность санкций от 5 до 35% в зависимости от набора исходных данных и применяемых критериев, что, по мнению авторов, не соответствует принципу разумной вероятности успеха. В этой группе исследований предпринимаются попытки анализа комплексных и целевых санкций. Так, по мнению ряда авторов, многосторонние умные санкции в 2–2,5 раза менее эффективны, чем всеобъемлющие [17–19].

Кроме того, на примере Ирана и Северной Кореи некоторые авторы устанавливают тенденцию превращения целевых санкций в комплексные с соответствующими негативными последствиями для некомбатантов [16; 18].

3. Большинство исследователей оправдывает экономические санкции как «предпоследнее» средство, после которого начинаются военные действия, призванное предотвратить начало войны [11; 20]. Тем не менее некоторые авторы отмечают, что целевые санкции с моральной точки зрения в некоторых ситуациях могут быть хуже, чем военный конфликт. Речь идет о низкоативных (low-level) военных операциях, точечных атаках беспилотников и т. д., направленных непосредственно против лидеров страны — действиях, которые принесут меньше ущерба, чем косвенные издержки (сопутствующий ущерб) от целевых санкций. Кроме того, принцип крайней меры требует от государств принимать меры, которые способны эффективно предотвратить военный конфликт, а в ситуации неэффективности санкций они могут не оказаться действенным инструментом предотвращения эскалации конфликта, увеличивая насилие в долгосрочном периоде. Иными словами, санкции могут усилить вероятность войны, поэтому не могут считаться допустимыми с моральной точки зрения [16, p. 60; 21].

4. Применительно к принципу пропорциональности большинство авторов пришли к консенсусу, что санкции нарушают данный принцип, поскольку они ведут к росту коррупции и криминализации, проблемам в системе здравоохранения, усилению репрессий, нарушению прав человека, искажениям в распределении ресурсов правительством (в том числе за счет крупных государственных контрактов) в пользу лояльных групп населения, усиливая таким образом ущерб для гражданского населения [17; 20–22].

При рассмотрении моральной допустимости введения экономических санкций ключевым является анализ их соответствия принципу разделения. Этот принцип в доктрине справедливой войны требует от нападающего различать комбатантов и некомбатантов как цель своих действий.

Принцип разделения *jus in bello* гласит, что средства, используемые для ведения войны, не должны быть неизбирательными. Это означает, что используемые средства не должны нарушать иммунитет некомбатантов, небоевой иммунитет [8, p. 390].

При этом невиновность означает только лишь, что люди не являются комбатантами в соответствии с международным гуманитарным правом, а не то, что они не поддерживают правительство страны-мишени или не участвуют в экономике военного времени. Иными словами, если экономика поддерживает военных или политическое руководство (в том числе наличием инфраструктуры, которой наравне с гражданским населением могут пользоваться военные), экономика может считаться справедливой целью [23].

Следует отметить, что теория справедливой войны не предполагает строгого запрета на убийство некомбатантов — когда речь идет о «военной необходимости» или о неизбежном следствии нападения на законную военную цель (сопутствующий ущерб). Теоретически это отражено в положениях доктрины двойного эффекта. Например, завод по производству оружия является законной военной целью. Если при нападении на него погибли мирные жители, живущие поблизости, это не рассматривается как военное преступление, в отличие от ситуации намеренного убийства гражданского населения либо «ковровых бомбардировок» населенных пунктов, которые приводят к массовой гибели мирного населения.

Основные исследования моральной допустимости экономических санкций с точки зрения соответствия принципам *jus in bello* рассматривают санкции как аналог средневековой осады городов. Так, по мнению М. Уолцера, в ситуации осады для некомбатантов больше шансов погибнуть, не только вследствие прямого военного воздействия, но также от нехватки воды, продовольствия, топлива и прочих необходимых для выживания благ. При этом первыми болеют и погибают самые уязвимые слои населения — дети, пожилые, инвалиды [11].

Как отмечает Дж. Гордон (J. Gordon), прямым следствием осады является нанесение ущерба наиболее уязвимым слоям населения, который усугубляется новым порядком перераспределения ресурсов на осажденной территории — когда большая их часть направляется на ВПК и поддержку лояльных властям элит. Если рассматривать осаду в контексте справедливой войны, то можно требовать обоснования военной стратегии как обязательства минимизировать ущерб гражданскому населению. Но, поскольку целью экономических санкций, по мнению автора, является нанесение ущерба непосредственно гражданскому населению, принцип разделения здесь применяться не может [8, p. 392–394; 24, p. 124–126].

Иными словами, сопутствующий ущерб (как в рассмотренном примере с мирным населением, пострадавшим в результате обстрела завода по производству боеприпасов) согласуется с принципом разделения при проведении непосредственно военных действий, но не согласуется при введении экономических санкций.

В целом анализ существующих исследований о применении принципов *jus in bello* к экономическим санкциям позволил выявить, что ключевым в различии результатов является фактор адресности санкций, а именно — рассматриваются комплексные или целевые санкции.

подавляющее большинство авторов сходятся во мнении, что комплексные санкции не соответствуют принципу разделения в доктрине справедливой войны, тогда как взгляды о целевых санкциях различаются.

По мнению А. Уинклера (A. Winkler), санкции, ограничивающие импорт оружия, удовлетворяют принципу разделения, поскольку таким образом они затрагивают только комбатантов [6]. Тем не менее М. Брзоска (M. Brzoska) определил, что

с течением времени эмбарго на поставки оружия стали менее успешными в изменении поведения целевых стран, срабатывая менее чем в 8% случаев [25].

Дж. Лопез (G. Lopez), Б. Эрли (B. Early) и М. Шульцке (M. Schulzke) считают, что целевые санкции соответствуют принципу дифференциации, особенно в ситуации, когда замораживание активов и другие финансовые меры сочетаются с запретом на импорт оружия, ограничениями на путешествия, поскольку они затрагивают только элиты и способствуют минимизации сопутствующего ущерба [16, с. 54; 26]. Однако Дж. Гордон, как контраргумент соответствию целевых санкций принципу разделения, утверждает, что отраслевые санкции (например санкции против авиастроительной отрасли) наносят ущерб смежным отраслям, а также людям, занятым в них. Нефтяное эмбарго не только наносит ущерб ВВП страны-мишени, но и ухудшает экономическое положение граждан, занятых производством, переработкой и транспортировкой нефти и сопутствующих товаров [8; 24].

Дж. Паттисон (J. Pattison) и Л. Дамрош (L. Damrosh) согласны с тем, что целевые санкции не нарушают принцип разделения, поскольку они являются «меньшим злом» (lesser evil), чем непосредственно военные действия или жизнь в стране-мишени, где люди подвергаются геноциду. Даже когда санкции не являются меньшим злом, они все равно предпочтительнее альтернатив, поскольку позволяют эффективно распределить ущерб между всем населением: меньшие издержки для большего количества населения предпочтительнее больших издержек для небольшого количества населения. Это особенно справедливо для ситуаций, когда санкции вводятся как «наказание» за политику геноцида в стране-мишени, с целью сохранить право человека на жизнь. В этом случае целесообразным является «смириться» со значительными негативными последствиями для граждан для предотвращения большего ущерба в будущем [20; 27].

Однако Б. Эрли и М. Шульцке отмечают, что чем дальше реальная ситуация в стране-мишени от геноцида и ему подобных крайностей (как часто и бывает на практике), тем менее обоснованными становятся санкции как инструмент воздействия на режим страны-мишени. Также они отмечают, что аргумент пропорциональности работает, когда целевые санкции априори эффективны, однако на практике это не так. При этом санкции не способны сменить режим в стране-мишени, а, наоборот, с большей вероятностью приведут к росту репрессий и нарушению прав человека [16, р. 72]. Важно отметить, что авторы исследуют «селективные санкции», рассматривая их как частный случай комплексных санкций и перенося, соответственно, все негативные гуманитарные последствия комплексных санкций на селективные с некоторыми оговорками. Однако обоснования, почему селективные санкции следует рассматривать как комплексные, в статье не приведено³.

Особое внимание следует уделить анализу доктрины двойного эффекта как обоснованию невозможности применения принципа разделения при исследовании моральной допустимости экономических санкций.

³ Б. Эрли и М. Шульцке используют следующую классификацию «умных» санкций: персональные, дипломатические и «селективные» — частичное эмбарго (затрагивающее отдельные секторы экономики), финансовые санкции [16].

Впервые положения доктрины двойного эффекта были сформулированы Фомой Аквинским. На сегодняшний день классической считается формулировка, определяющая четыре условия моральной допустимости действия, ожидаемо ведущего к негативным последствиям:

1. Намерение получить настолько положительные последствия, чтобы можно было допустить негативные последствия действия. Иными словами, негативные последствия не должны перевешивать позитивные.

2. Само действие должно быть моральным или нравственно безразличным. Иными словами, если оценивать непосредственно действие (безотносительно к его последствиям), оно не должно быть негативным.

3. Положительные последствия должны быть порождены самим действием, а не его отрицательными последствиями. То есть ущерб должен быть следствием достижения большего блага, а не причиной его возникновения.

4. Негативный результат действия предвидится и обусловлен безвыходностью ситуации, но не является прямым намерением инициатора. Иными словами, полученное благо не может служить оправданием негативным последствиям, следовательно, у инициатора не должно быть намерения причинить вред [28, с. 56–58].

Именно доктриной двойного эффекта и разрешается причинение вреда некомбатантам в результате военных действий в качестве уже упомянутого непреднамеренного побочного эффекта нападения на комбатантов.

А. Пирс (A. Pierce) и Дж. Гордон пришли к выводу, что использование экономических санкций неприемлемо с точки зрения доктрины двойного эффекта, а именно ее третьего условия, поскольку, по их мнению, в случае экономических санкций благо, которое должно быть достигнуто (принуждение правительства страны-мишени к изменению политики), достигается за счет вреда, нанесенного гражданскому населению. Следовательно, экономические санкции являются морально неприемлемыми, так как ущерб является причиной возникновения блага, а не следствием его достижения. Дополнительно Дж. Гордон анализирует сопутствующий ущерб в его традиционном понимании как непреднамеренный вторичный ущерб гражданскому населению. По ее мнению, ущерб, наносимый санкциями, не является «побочным», поскольку именно негативные последствия для гражданского населения и являются основной целью комплексных санкций.

Также следует отметить, что с эмпирическими результатами связана и критика моральной допустимости экономических санкций с точки зрения выполнения четвертого условия, которое, в свою очередь, тесно связано с принципом «благих намерений» [8; 13; 24]. Введение санкций не соответствует принципу «благих намерений», поскольку страна-инициатор, зная наиболее вероятные негативные последствия для населения (рост репрессий, ухудшение соблюдения прав человека), все равно вводит санкции против страны-мишени.

В качестве промежуточного итога можно отметить, что определение комбатантов и некомбатантов, безусловно, имеет значение, когда речь идет о целевых санкциях, поскольку комплексные санкции вводятся против всего населения, что является главным аргументом их моральной недопустимости. Комплексные экономические санкции преднамеренно направлены против рядовых граждан страны-мишени, тем самым причиняя им ущерб, следствием которого может стать даже смерть.

Кроме того, ограничения на импорт в меньших объемах, чем полное эмбарго, зачастую негативно влияют на экономику в целом. Основной принцип *jus in bello* — небоевой иммунитет, который лежит в основе принципа разделения. По мнению авторов, отстаивающих несоответствие экономических санкций доктрине справедливой войны, граждане страны-мишени не представляют угрозы для других государств, занимаясь обычной деятельностью и участвуя в экономических процессах. С точки зрения справедливой войны они являются некомбатантами.

Результаты определения комбатантов и некомбатантов в существующих исследованиях моральной допустимости целевых экономических санкций можно разделить на две группы.

1. Четкое определение групп экономических агентов, относящихся к двум указанным категориям. Авторы сходятся во мнении, что комбатантами при введении целевых санкций являются лица, ответственные за политику страны-мишени. В основе этого лежит определение невинности в терминах М. Уолцера. Последний рассматривал «невинных людей» на войне как тех, кто «ничего не сделал и ничего не делает, что влечет за собой потерю своих прав», включая право не подвергаться нападению. Независимо от того, поддерживают ли «невинные» войну, они не несут ответственности за фактическое ведение войны: в отличие от политической власти, они не отдавали приказ о ее начале и, в отличие от солдат, не ведут ее. Следовательно, «невинных» нужно отличать от комбатантов, и они не могут подвергаться преднамеренному и прямому нападению [11].

Так, А. Пирс определяет руководство страны-мишени как функциональный эквивалент «агрессивной войны», а примером морального эквивалента такой войны является грубое нарушение прав человека в стране-мишени, повлекшее попытки вмешательства извне. Исходя из этого комбатантами при введении экономических санкций будут те, кто отдал приказ и осуществляет это нарушение прав человека, т. е. политическое руководство и органы государственного контроля. Те, кто не отдает приказы и не осуществляет нарушения прав человека, являются некомбатантами [13, р. 100–102].

А. Уинклер определяет военных и политические элиты как комбатантов при введении экономических санкций. Исходя из этого дипломатические санкции и замораживание активов правящих элит страны-мишени в наибольшей степени соответствуют соблюдению принципа разделения [6, р. 148–150]. По мнению М. Амштутца (М. Amstutz), комбатантами выступают правительство и политические элиты, которые его поддерживают [29]. С точки зрения Дж Мерфи (J. Murphy), комбатантами являются те экономические агенты, чья деятельность логически неотделима от ведения войны, тогда как все остальные являются некомбатантами [30, р. 349].

2. Авторы, четко не определяющие группы комбатантов и некомбатантов.

По мнению Л. Дамрош, комбатантами могут считаться виновные в насилии или других правонарушениях; при этом санкции должны быть введены таким образом, чтобы минимизировать негативные последствия для гражданских лиц, которые не в состоянии противостоять противоправному поведению правительства [20]. Б. Эрли и М. Шульцке, наоборот, не дают четкого определения некомбатантов, ограничиваясь такими категориями, как «гражданские лица», «невинное население», «среднестатистические граждане» [16].

Однако консенсус среди исследователей относительно допустимости применения принципов справедливой войны к анализу санкций отсутствует.

Особый интерес, с учетом цели данной статьи, представляют исследования, аргументирующие невозможность применения принципов *just war* при оценке моральной допустимости экономических санкций.

Анализ результатов исследований позволил определить следующие причины недопустимости применения указанных принципов.

1. Принцип коллективной ответственности. Санкции морально оправданы, поскольку вина за нарушение прав человека лежит на руководстве и гражданах страны-мишени, которые поддерживают политику государства. Иными словами, граждане должны нести ответственность, хотя бы частичную, за политику своего правительства [31].

Тем не менее даже в странах, в которых народ имеет власть над своими лидерами (демократические режимы), успех санкций (смена лидера) не соответствует моральным требованиям справедливой войны. Оправдание экономических санкций подрывает само понятие небоевого иммунитета. По аналогии с военными действиями, когда нападение на мирных жителей оправдывает себя как средство оказания давления на правительство противника: бомбите города, и люди начнут протестовать против власти с целью изменения политики. Если такое исключение из небоевого иммунитета было бы разрешено, правило о непричинении вреда некомбатантам было бы несостоятельным. Соответственно, если понятие небоевого иммунитета применяется к экономическим санкциям, исключений для преднамеренного причинения ущерба гражданскому населению с целью оказания давления на правительство быть не должно [6, p. 148].

2. Содержательные различия между военными действиями и экономическими санкциями.

Здесь речь идет о том, что принципы справедливой войны нельзя применять к всесторонним экономическим санкциям, поскольку между понятиями войны и экономических санкций есть два ключевых различия:

1. Экономические санкции вводятся как альтернатива войне, а не как форма войны (в том числе осада). Являясь более «мягкой» формой принуждения, санкции снижают вероятность реальной войны.

2. Экономические санкции при условии их тщательной разработки и контроля причиняют меньше вреда, чем война.

Также, по мнению авторов, ряд санкций может быть оправдан либо тем, что население соглашается с политикой государства, либо тем, что оно тем или иным образом разделяет за нее ответственность.

Намерение избежать войны всегда похвально; любые принципы сдерживания должны позволять вводить всесторонние экономические санкции, когда целью их является избегание войны. При этом, пока выживание гражданского населения страны-мишени не находится под угрозой, ухудшение социально-экономического положения граждан вследствие санкций является оправданным как средство восстановления прав (прежде всего права на жизнь) ущемленных групп населения в стране-мишени.

Д. Кристиансен (D. Christiansen) и Дж. Пауэрс (G. Powers) разработали принципы моральной допустимости экономических санкций, сходные с принципами справедливой войны.

По мнению авторов, экономические санкции морально допустимы тогда и только тогда, когда они: а) являются ответом на серьезное зло; б) являются частью согласованных дипломатических усилий, направленных на избегание войны и поиск справедливого решения проблемы; в) позволяют избежать необратимого серьезного ущерба гражданскому населению страны-объекта; г) вводятся «по нарастающей»; д) имеют негативные последствия, соразмерные благим целям, которые могут быть достигнуты; е) вводятся международной организацией (являются многосторонними).

Проводя аналогии, авторы предполагают, что война сродни смертной казни, тогда как санкции больше похожи на наложение ареста на чьи-либо активы в рамках гражданского процесса [32].

Однако некоторые исследователи не согласны с этой точкой зрения, считая, что экономический вред также может быть формой насилия. Теория санкций как простой конфискации активов, как на уровне отдельного человека, так и экономики в целом, имплицитно предполагает исходную точку относительного изобилия. Какие последствия для граждан будет иметь конфискация их активов, полностью зависит от того, что это за активы и сколько их осталось после конфискации [24, p. 127]. Для представителя среднего класса с годовым доходом в 80 000 долл. США, конфискация 1000 долл. США с расчетного счета вызовет в лучшем случае неудобство и, возможно, незначительное снижение привычного уровня жизни. Для человека, живущего за чертой бедности, изъятие 1000 долл. США может означать *невозвратную* потерю возможности платить за необходимые для выживания блага, в том числе возможности жить в собственном жилье. Жизнь в приюте для бездомных или на улице в течение ночи, недели или месяца не убивает так, как оружие, но подвергает человека риску случайного насилия, включая убийства. Такие показатели, как уровень младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни, используются как индикаторы экономического развития, поскольку бедность проявляется в недоедании, болезнях и т. д., следствием которых является сокращение продолжительности жизни [6]. Именно по этой причине утверждается, что бедность является формой насилия, несмотря на то что она не «убивает» так быстро, как оружие.

3. Право собственности.

Речь идет об анализе «морального» соответствия экономических санкций принципам *just war*, основанном на праве собственности.

Экономические санкции не требуют никакого морального оправдания, поскольку обязанность одной страны осуществлять внешнюю торговлю и финансовые операции с другой страной отсутствует. С этой точки зрения экономические санкции всегда морально допустимы и не подчиняются никаким ограничивающим моральным принципам, в том числе принципам справедливой войны.

Это основано на следующих положениях. Военные действия включают в себя убийства, бомбардировки и т. д. — все действия, которые обычно считаются неправильными и требуют существенного морального оправдания; существуют моральные обязательства не бомбить, не стрелять, не убивать. Экономические санкции, когда они вводятся в виде торгового эмбарго и/или финансовых ограничений, представляют собой действия, которые обычно не считаются неправильными и которые, на первый взгляд, не требуют морального оправдания — у государства нет

обязанности торговать или вступать в финансовые отношения с кем-либо. С учетом этих аргументов торговое эмбарго и финансовые ограничения всегда допустимы с моральной точки зрения. Такие меры представляют собой санкционированное государством прекращение торговли и операций с финансовыми ресурсами, т. е. отказ государства-инициатора в передаче права собственности на товары страны-мишени.

Однако тот факт, что индивиды имеют абсолютное право передавать собственность по своему усмотрению, делает экономические санкции морально неприемлемыми, поскольку государство вводит легитимные ограничения на право граждан торговать и осуществлять финансовые операции, нарушая тем самым абсолютные права собственности [33, р. 416–419].

Тем не менее аргументация моральной недопустимости санкций с точки зрения абсолютного права собственности не является достаточной, поскольку:

1. В ситуации, когда граждане страны-инициатора поддерживают экономические санкции и соглашаются на их введение, государство играет лишь организационную роль. Иными словами, санкции не нарушают абсолютных прав собственности граждан, а, наоборот, способствуют их реализации.

2. Понятие «абсолютного права собственности» нежизнеспособно на практике, поскольку в таких ситуациях, как недопустимость с моральной точки зрения продажи оружия потенциальному убийце, иные моральные соображения перевешивают право отказа в передаче права собственности.

В целом основной аргумент заключается в том, что экономические санкции в виде торгового эмбарго и/или финансовых ограничений отличаются от непосредственно военных действий, и, следовательно, оценка их моральной допустимости должна отличаться от той, которая применяет принципы справедливой войны.

Заключение

Проблематика моральной допустимости санкций получила свое отражение в этической дилемме экономических санкций: выбор санкций как альтернативы войне и инструмента внешней угрозы, имеющего потенциальное позитивное влияние на политику страны-мишени, и потенциальные негативные гуманитарные последствия для гражданского населения, способные нивелировать положительные результаты, которые страна-инициатор связывает с изменением политического курса страны-мишени вследствие санкций. Эта дилемма сформировалась как результат применения комплексных санкций в 1990-х годах.

Попыткой ее разрешения стало формирование новой парадигмы в санкционной политике, основанной на замене комплексных санкций целевыми, которые затрагивают только политические элиты, а не гражданское население страны-мишени в целом.

Однако аргументы за и против допустимости комплексных и целевых санкций с морально-этической точки зрения продолжают обсуждаться в современной литературе. Как показало проведенное исследование, ключевым методом для обоснования результатов является анализ экономических санкций на соответствие принципам справедливой войны. Основные дискуссии ведутся применительно

к принципам разумной вероятности успеха и пропорциональности *jus ad bellum* и принципа разделения комбатантов и некомбатантов *jus in bello*.

Тем не менее применение принципов справедливой войны как таковых к оценке моральной допустимости экономических санкций является крайне дискуссионным по причине радикального различия между экономическими санкциями и военными действиями: в условиях экономических санкций у человека вероятность выжить, сохранить здоровье и имущество априори существенно выше, чем в условиях военных действий. Проведенное исследование может рассматриваться как базовое, синтезирующее основные современные подходы к оценке моральной допустимости экономических санкций. Дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно сосредоточить на выборе и использовании методологического инструментария, более соответствующего экономической природе санкций.

Литература

1. Carter, B. E. (1987), *International Economic Sanctions: Improving the Haphazard U.S. Legal Regime*, *California Law Review*, vol. 75(4), pp. 1159–1278. <https://doi.org/10.2307/3480594>
2. Joyner, C. C. (1995), *Sanctions and International Law*, in: Cortright, D., Lopez, G. A. and Dellums, R. V. (eds), *Economic Sanctions Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World?* Oxford: Westview Press. <https://doi.org/10.4324/9780429493935>
3. Foley, H. (1923), *Woodrow Wilson's Case for the League of Nations*, Princeton University Press, Princeton.
4. Garfield, R. (1999), *Morbidity and Mortality among Iraqi Children from 1990 to 1998: Assessing the Impact of Economic Sanctions*, Occasional Paper #16:OP:3, Notre Dame: Kroc Institute for International Peace Studies.
5. Garfield, R. (2002), *Economic Sanctions, Humanitarianism, and Conflict after the Cold War*, *Social Justice*, vol. 29, no. 3 (89), *Global Threats To Security*, pp. 94–107.
6. Winkler, A. (1999), *Just Sanctions*, *Human Rights Quarterly*, vol. 21(1), pp. 133–155.
7. Shahabi, S., Fazlalizadeh, H., Stedman, J., Chuang, L., Shariftabrizi, A. and Ram, R. (2015), *The impact of international economic sanctions on Iranian cancer healthcare*, *Health Policy*, vol. 119, pp. 1309–1318. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.08.012>
8. Gordon, J. (1999), *Economic Sanctions, Just War Doctrine, and the "Fearful Spectacle of the Civilian Dead"*, *CrossCurrents*, vol. 49, no. 3, pp. 387–400.
9. Гринберг, П. С., Белозёров, С. А. и Соколовская, Е. В. (2021), *Оценка эффективности экономических санкций. Возможности систематического анализа*, *Экономика региона*, т. 17, вып. 2, с. 354–374. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-1>
10. *The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response: A Pastoral Letter on War and Peace by the National Conference of Catholic Bishops* (1983), Washington: U.S. Catholic Conference.
11. Walzer, M. (2006), *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration*, New York: Basic Books.
12. Прокофьев, А. В. (2019), *Идея справедливой войны в западной этической традиции (от античности до середины XVIII в.)*, *Этическая мысль*, т. 19, № 2, с. 112–127. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-2-112-127>
13. Pierce, A. C. (1996), *Just War Principles and Economic Sanctions*, *Ethics & International Affairs*, vol. 10(1), pp. 99–113. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1996.tb00005.x>
14. Нагайчук, А. Ф. (2021), *Социально-политическая технология войны и вооруженного конфликта: некоторые аспекты истории и современности*, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 37, вып. 2, с. 281–295. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.208>
15. Rule 1. *The Principle of Distinction between Civilians and Combatants*, *International Humanitarian Law Databases*. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule1> (дата обращения: 28.09.2022).
16. Early, B. R. and Schulzke, M. (2019), *Still Unjust, Just in Different Ways: How Targeted Sanctions Fall Short of Just War Theory's Principles*, *International Studies Review*, vol. 21(1), pp. 57–80. <https://doi.org/10.1093/isr/viy012>

17. Rule 3. Definition of Combatants, *International Humanitarian Law Databases*. URL: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule3 (дата обращения: 28.09.2022).
18. Noncombatants. The Practical Guide to Humanitarian Law, *The Practical Guide to Humanitarian Law*. URL: <https://guide-humanitarian-law.org/content/article/3/non-combatants/> (дата обращения: 28.09.2022).
19. Biersteker, T., Eckert, S. and Tourinho, M. (eds) (2016), *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290>.
20. Wallensteen, P. (2016), Institutional learning in targeting sanctions, in: Biersteker, T., Eckert, S. and Tourinho, M. (eds), *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 248–264. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290>
21. Bapat, M. A. and Morgan, T. C. (2009), Multilateral Versus Unilateral Sanctions Reconsidered: A Test Using New Data, *International Studies Quarterly*, vol. 53(4), pp. 1075–1094. <https://doi.org/10.1111/J.1468-2478.2009.00569.X>
22. Damrosch, L. F. (1004), The Collective Enforcement of International Norms through Economic Sanctions, *Ethics & International Affairs*, vol. 8, pp. 58–75. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1994.tb00158.x>
23. Lektzian, D. J. and Sprecher, C. M. (2007), Sanctions, Signals, and Militarized Conflict, *American Journal of Political Science*, vol. 51(2), pp. 415–431. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00259.x>
24. Peksen, D. (2011), Economic Sanctions and Human Security: The Public Health Effect of Economic Sanctions, *Foreign Policy Analysis*, vol. 7(3), pp. 237–251. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2011.00136.x>
25. Yoder, J. H. (1996), *When War is Unjust: Being Honest in Just-war Thinking*, Ossining: Orbis Books.
26. Gordon, J. (2006), A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions, *Ethics & International Affairs*, vol. 13(1), pp. 123–142. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1999.tb00330.x>
27. Brzoska, M. (2008), Measuring the Effectiveness of Arms Embargoes, *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*, vol. 14(2), pp. 1–34. <https://doi.org/10.2202/1554-8597.1118>
28. Lopez, G. (1999), More Ethical Than Not: Sanctions as Surgical Tools: Response to “A Peaceful, Silent, Deadly Remedy”, *Ethics and International Affairs*, vol. 13 (1), pp. 143–148. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1999.tb00331.x>
29. Pattison, J. (2015), The morality of sanctions, *Social Philosophy and Policy*, vol. 32 (1), pp. 192–215. <https://doi.org/10.1017/s0265052515000138>
30. Прокофьев, А. В. (2014), Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы, *Этическая мысль*, вып. 14, с. 43–64.
31. Amstutz, M. R. (2013), *International Ethics: Concepts, Theories, and Cases in Global Politics*, 5th ed., Lanham: Rowman & Littlefield.
32. Murphy, J. M. (1979), The Killing of the Innocent, in: *War, Morality, and the Military Profession*, Wakin, M. M. (ed.), Boulder: Westview Press.
33. Clawson, P. (1993), Sanctions as Punishment, Enforcement, and Prelude to Further Action, *Ethics & International Affairs*, vol. 7(1), pp. 17–37. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1993.tb00141.x>
34. Christiansen, D. and Powers, G. F. (1995), Economic Sanctions and Just War Doctrine, in: *Economic Sanctions Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World?*, Cortright, D., Lopez, G. A. and Dellums, R. V. (eds), Oxford: Westview Press, 1995, pp. 91–112.
35. Ellis, E. (2021), The Ethics of Economic Sanctions: Why Just War Theory is Not the Answer, *Res Publica*, vol. 27, pp. 409–426. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09483-z>

Статья поступила в редакцию 9 октября 2022 г.;
рекомендована к печати 17 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Белозёров Сергей Анатольевич — д-р экон. наук, проф.; s.belozerov@spbu.ru
Соколовская Елена — канд. экон. наук, доц.; e.sokolovskaya@spbu.ru

Ethical dilemma of economic sanctions as an external threat*

S. A. Belozyorov, O. Sokolovska

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Belozyorov S. A., Sokolovska O. Ethical dilemma of economic sanctions as an external threat. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 2, pp. 303–321. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.208> (In Russian)

The article aims to identify the current approaches that enable to resolve the ethical dilemma of economic sanctions, treated as a contradiction between the goals and consequences of imposing sanctions as an alternative to war and an instrument of an external threat. We consider the standard definition of economic sanctions as restrictions imposed by sender state, associated with worsening of current economic conditions in target country, aimed to force the ruling regime of the latter to change its domestic political course and/or foreign policy. The research methods include general scientific methods, comparative historical analysis and cross-country comparative analysis; elements of political and legal analysis; systematic literature review. The moral permissibility of sanctions had been reflected in the ethical dilemma of economic sanctions: the choice of sanctions as an alternative to war and an instrument of an external threat that has a potential positive impact on the policy of target country, and potential negative humanitarian consequences for the civilian population that can offset the positive results that the sender associates with a change in target country's policy. The new paradigm in sanctions policy based on the replacement of comprehensive sanctions with targeted ones can be considered as an attempt to resolve such dilemma. We analyze the main background of this new model. We determine that the analysis of sanctions' compliance with just war principles is essential in arguing their moral and ethical permissibility. In addition, we classify main approaches studying the moral permissibility of economic sanctions within the framework of just war theory. As a conclusion, we reveal that the application of just war principles as such to assess the moral permissibility of economic sanctions is debatable, and further research should be focused on choice and use of methodological tools that are more appropriate to the economic nature of sanctions.

Keywords: economic sanctions, external threat, ethics, morality, just war, combatants, non-combatants, doctrine of double effect, humanitarian consequences.

References

1. Carter, B. E. (1987), International Economic Sanctions: Improving the Haphazard U. S. Legal Regime, *California Law Review*, vol. 75 (4), pp. 1159–1278. <https://doi.org/10.2307/3480594>
2. Joyner, C. C. (1995), Sanctions and International Law, in: Cortright, D., Lopez, G. A. and Dellums, R. V. (eds), *Economic Sanctions Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World?* Oxford: Westview Press. <https://doi.org/10.4324/9780429493935>
3. Foley, H. (1923), *Woodrow Wilson's Case for the League of Nations*, Princeton University Press, Princeton.
4. Garfield, R. (1999), *Morbidity and Mortality among Iraqi Children from 1990 to 1998: Assessing the Impact of Economic Sanctions*, Occasional Paper #16:OP:3, Notre Dame: Kroc Institute for International Peace Studies.
5. Garfield, R. (2002), Economic Sanctions, Humanitarianism, and Conflict after the Cold War, *Social Justice*, vol. 29, no. 3 (89), *Global Threats To Security*, pp. 94–107.
6. Winkler, A. (1999), Just Sanctions, *Human Rights Quarterly*, vol. 21(1), pp. 133–155.

* The reported study “Improvement of Insurance Coverage of the Population under Biological Threat” was funded by Saint Petersburg State University, Pure ID: 104915901.

7. Shahabi, S., Fazlalizadeh, H., Stedman, J., Chuang, L., Shariftabrizi, A. and Ram, R. (2015), The impact of international economic sanctions on Iranian cancer healthcare, *Health Policy*, vol. 119, pp. 1309–1318. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.08.012>
8. Gordon, J. (1999), Economic Sanctions, Just War Doctrine, and the “Fearful Spectacle of the Civilian Dead”, *CrossCurrents*, vol. 49, no. 3, pp. 387–400.
9. Grinberg, R.S., Belozorov, S.A. and Sokolovska, O. (2021), Evaluation of the effectiveness of economic sanctions. Opportunities for systematic analysis, *Ekonomika regiona*, vol. 17 (2), pp. 354–374. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-1> (In Russian)
10. *The Challenge of Peace: God’s Promise and Our Response: A Pastoral Letter on War and Peace by the National Conference of Catholic Bishops* (1983), Washington: U.S. Catholic Conference.
11. Walzer, M. (2006), *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration*, New York: Basic Books.
12. Prokofyev, A. V. (2019), The Idea of Just War in the Western Ethical Tradition (from Antiquity to the Mid-18th Century), *Ethical Thought*, vol. 19, no. 2, pp. 112–127. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-2-112-127> (In Russian)
13. Pierce, A. C. (1996), Just War Principles and Economic Sanctions, *Ethics & International Affairs*, vol. 10 (1), pp. 99–113. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1996.tb00005.x>
14. Nagaichuk, A. F. (2021), Socio-political technology of war and armed conflict: Some aspects of history and modernity, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 281–295. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.208> (In Russian)
15. Rule 1. The Principle of Distinction between Civilians and Combatants, *International Humanitarian Law Databases*. Available at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule1> (accessed: 28.09.2022).
16. Early, B. R. and Schulzke, M. (2019), Still Unjust, Just in Different Ways: How Targeted Sanctions Fall Short of Just War Theory’s Principles, *International Studies Review*, vol. 21 (1), pp. 57–80. <https://doi.org/10.1093/isr/viy012>
17. Rule 3. Definition of Combatants, *International Humanitarian Law Databases*. Available at: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule3 (accessed: 28.09.2022).
18. Noncombatants. The Practical Guide to Humanitarian Law, *The Practical Guide to Humanitarian Law*. Available at: <https://guide-humanitarian-law.org/content/article/3/non-combatants/> (accessed: 28.09.2022).
19. Biersteker, T., Eckert, S. and Tourinho, M. (eds) (2016), *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290>
20. Wallenstein, P. (2016), Institutional learning in targeting sanctions, in: Biersteker, T., Eckert, S. and Tourinho, M. (eds), *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 248–264. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290>
21. Bapat, M. A. and Morgan, T. C. (2009), Multilateral Versus Unilateral Sanctions Reconsidered: A Test Using New Data, *International Studies Quarterly*, vol. 53(4), pp. 1075–1094. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2009.00569.x>
22. Damrosch, L. F. (1004), The Collective Enforcement of International Norms through Economic Sanctions, *Ethics & International Affairs*, vol. 8, pp. 58–75. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1994.tb00158.x>
23. Lektzian, D. J. and Sprecher, C. M. (2007), Sanctions, Signals, and Militarized Conflict, *American Journal of Political Science*, vol. 51(2), pp. 415–431. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00259.x>
24. Peksen, D. (2011), Economic Sanctions and Human Security: The Public Health Effect of Economic Sanctions, *Foreign Policy Analysis*, vol. 7(3), pp. 237–251. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2011.00136.x>
25. Yoder, J. H. (1996), *When War is Unjust: Being Honest in Just-war Thinking*, Ossining: Orbis Books.
26. Gordon, J. (2006), A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions, *Ethics & International Affairs*, vol. 13(1), pp. 123–142. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1999.tb00330.x>
27. Brzoska, M. (2008), Measuring the Effectiveness of Arms Embargoes, *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*, vol. 14(2), pp. 1–34. <https://doi.org/10.2202/1554-8597.1118>
28. Lopez, G. (1999), More Ethical Than Not: Sanctions as Surgical Tools: Response to “A Peaceful, Silent, Deadly Remedy”, *Ethics and International Affairs*, vol. 13(1), pp. 143–48. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1999.tb00331.x>
29. Pattison, J. (2015), The morality of sanctions, *Social Philosophy and Policy*, vol. 32 (1), pp. 192–215. <https://doi.org/10.1017/s0265052515000138>
30. Prokofiev, A. V. (2014), Moral Absolutism and the Doctrine of Double Effect in the Context of Debates about Moral Permissibility of the Use of Force, *Ethical Thought*, no. 14, pp. 43–64. (In Russian)

31. Amstutz, M. R. (2013), *International Ethics: Concepts, Theories, and Cases in Global Politics*, 5th ed., Lanham: Rowman & Littlefield.
32. Murphy, J. M. (1979), The Killing of the Innocent, in: *War, Morality, and the Military Profession*, Wakin, M. M. (ed.), Boulder: Westview Press.
33. Clawson, P. (1993), Sanctions as Punishment, Enforcement, and Prelude to Further Action, *Ethics & International Affairs*, vol. 7(1), pp. 17–37. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.1993.tb00141.x>
34. Christiansen, D. and Powers, G. F. (1995), Economic Sanctions and Just War Doctrine, in: *Economic Sanctions Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World?*, Cortright, D., Lopez, G. A. and Dellums, R. V. (eds), Oxford: Westview Press, 1995, pp. 91–112.
35. Ellis, E. (2021), The Ethics of Economic Sanctions: Why Just War Theory is Not the Answer, *Res Publica*, vol. 27, pp. 409–426. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09483-z>

Received: October 9, 2022
Accepted: February 17, 2023

Authors' information:

Sergey A. Belozyorov — Dr. Sci. in Economic Sciences, Professor; s.belozerov@spbu.ru
Elena Sokolovska — PhD in Economic Sciences, Associate Professor; e.sokolovskaya@spbu.ru